

СОЧИНЕНІЯ
ПЛАТОНА.

СОЧИНЕНИЯ

П Л А Т О Н А,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

Профессора иъ Вартовыиъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Часть IV.

**ФЕДРЪ. — ПИРЪ. — ЛИЗИСЪ. — ИППАСЪ БОЛЬШИЙ. —
МЕНЕКСЕПЪ. — ИОНЪ. — ФЕАГЪ. — СОПЕРНИКИ. —
ИППАРХЪ. — КЛИТОФОНЪ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

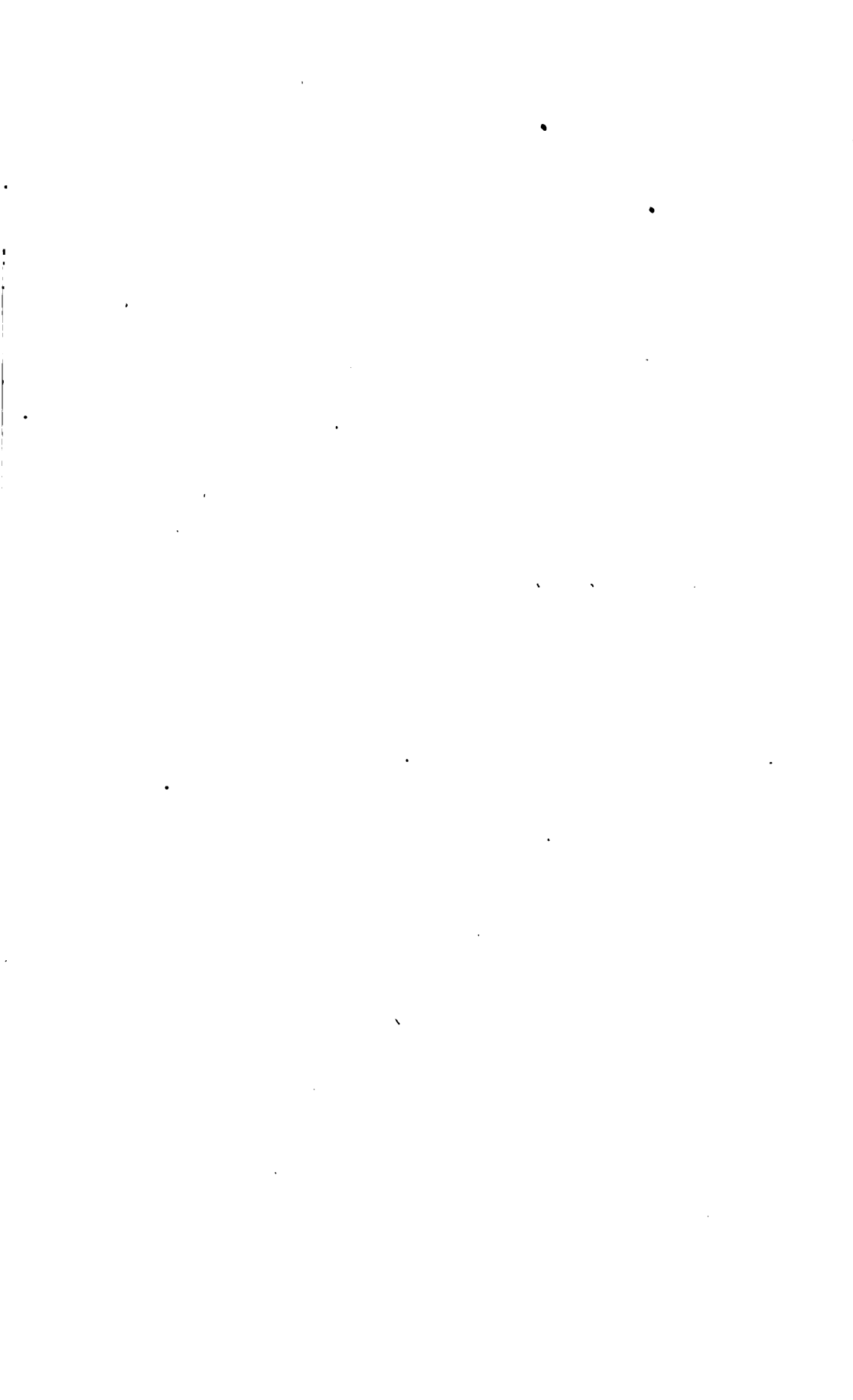
1863.

Printed in Soviet Union

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.—С. Петербургъ іюня 1 дня, 1862 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Серій*.

ФЕДРЪ.

ФЕДРЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ разговорѣ Платона, подъ заглавіемъ Федръ, Сократъ бесѣдуетъ съ Федромъ. Этотъ собесѣдникъ сына Софронискова представляется человѣкомъ молодымъ, съ живыми способностями и добрымъ отъ природы сердцемъ. Еще въ юношескомъ возрастѣ онъ уже до страсти любитъ ученія бесѣды, усердно посѣщаетъ литературныя собранія, самъ участвуетъ въ разсужденіяхъ о любви и съ жадностію питаетъ свой умъ всякою новостію въ области словесныхъ произведеній (Sympr. p. 176, 178). Но не смотря на то, онъ—на пути заблужденія: благороднымъ его стремленіемъ овладѣлъ лживый духъ времени, требовавшій, чтобы отвратительный цинизмъ внутренней жизни вездѣ украшался внѣшнимъ блескомъ. Федръ вполне преданъ водителству современныхъ ораторовъ и софистовъ, на все смотритъ ихъ глазами, о всемъ судитъ по ихъ началамъ, все опредѣляетъ ихъ понятіями (Protag. p. 315 C). Искусство слова разумѣетъ онъ, какъ навыкъ свободно и легко блистать фразою, не заботясь о достоинствѣ содержанія и нравственной цѣли сочиненій. За успѣхъ рѣчи, по его мнѣнію, должно ручаться умѣнье представлять даже парадоксы въ формѣ дѣйствительной истины, и способность увлекать вниманіе слушателей къ своекорыстнымъ цѣлямъ оратора. Таковъ былъ взглядъ Федра на краснорѣчіе.

Сократъ встрѣчается съ нимъ въ то время, когда онъ, проведши цѣлое утро въ обществѣ знаменитаго аеинскаго оратора Лизіаса, возвращался отъ него и шелъ за городъ

прогуляться. Разговоръ завязался съ вопроса о томъ, какъ и чѣмъ угощалъ его Лизіасъ. Федръ началъ съ энтузіазмомъ превозносить любимаго своего оратора и упомянулъ о читанной имъ рѣчи, прибавивъ, что она была эротическаго содержанія. Это сильно подстрекнуло любопытство Сократа и заставило его просить Федра, чтобы онъ пересказалъ слышанное сочиненіе. Молодой человѣкъ, какъ часто бываетъ, сперва сталъ-было отказываться, ссылаясь на недостатокъ памяти, а потомъ соглашался пересказать отрывочно мысли: но Сократъ замѣтилъ у него подъ плащемъ свитокъ, и память на этотъ разъ оказалась ненужною; въ свиткѣ заключалась подлинная рѣчь Лизіаса. Тогда два любителя рѣчей отправились за городъ, къ рѣкѣ Илліссу и, сѣвъ на берегу, подъ тѣнистымъ яворомъ, приступили къ чтенію принесенной Федромъ рѣчи. Легкій очеркъ избраннаго ими загороднаго мѣста для чтенія есть превосходное вступленіе въ бесѣду; потому что онъ мѣтко принаровленъ къ характеру излагаемаго въ ней Платонова ученія о любви. Прозрачныя воды Иллісса, посвященныя Нимфамъ и Ахелою, растеніе агнецъ—символь дѣвственной чистоты и непорочности, журчаніе ручья, выбѣгающаго изъ-подъ явора, пѣсни кузнечиковъ, питающихся одною росой, тихое дыханіе вѣтерка, навѣвающаго прохладу, нѣжная мурава, приглашающая путника къ отдохновенію: все это—искусная обстановка убѣжища, избраннаго философомъ для размышленія объ Эросѣ (р. 227—230 С).

Возлеги на мураву, Сократъ предоставляетъ чтеніе Лизіасовой рѣчи Федру и выслушиваетъ ее отъ начала до конца. Лизіасъ поставилъ въ ней цѣлію убѣдить прекраснаго мальчика, что для него гораздо лучше оказывать благосклонность тому, кто не любитъ его, чѣмъ быть благосклоннымъ къ влюбленному. Встрѣчая такую тему въ рѣчи извѣстнѣйшаго оратора древности, котораго сочиненія, переживъ столько вѣковъ, дошли до насъ, который принадлежалъ къ самому образованному народу въ мірѣ языческомъ и про-

цвѣталъ въ самую блестящую эпоху наукъ и искусствъ въ аѳинской республикѣ, — трудно понять, какимъ образомъ въ умную голову Лизіаса могла войти столь пошлая мысль, а еще труднѣе объяснить себѣ тотъ восторгъ, съ которымъ юношество тогдашней Греціи, донинѣ превозносимое за тонкость и образованность вкуса, принимало подобныя мысли. Одна лишь исторія объясняетъ намъ эти несообразности и даетъ прекрасный урокъ тѣмъ, которые, не опредѣливъ, въ чемъ должно состоять истинное образованіе народа, кричатъ, что только образованность гнушается пороками и движется благороднымъ сочувствіемъ къ ближнему. Наперекоръ замѣчательнымъ успѣхамъ Грековъ въ наукахъ, преимущественно же въ искусствахъ, нравственную жизнь ихъ исторія пятнаетъ самыми низкими пороками, въ числѣ которыхъ особенно отвратительнымъ представляется—*παιδεραστία*, *παιδικὸς ἔρως* или *τὰ παιδικά*. Въ буквальномъ значеніи этого слова конечно нѣтъ ничего постыднаго; потому что имъ означается любовь къ дѣтямъ того или другаго пола: но крайній развратъ греческаго юношества, опиравшійся, можетъ быть, на нѣкоторыхъ сказаніяхъ ¹ столь же развратной эллинской мифологіи и находившій поводъ къ своему развитію въ самыхъ воспитательныхъ тогдашнихъ учрежденіяхъ ², не замедлилъ эту чистую и естественную любовь къ дѣтской невинности сдѣлать органомъ гнусной страсти, которая кажется чудовищемъ даже для самой чувственности челоуѣка. *Παιδεραστία*, въ смыслѣ ужаснаго зла, нравственно убивающаго душу и физически разрушающаго тѣло, во времена Платона въ аѳинскомъ обществѣ почти не надѣвала маски и стала въ совершенную противоположность съ началами здравомыслящей и благонравной философіи, которая тогда, можно сказать, отождествлялась съ

¹ Къ числу подобныхъ мифическихъ сказаній можно отнести подробности о Ганимедѣ и Гименей.

² Древніе много рассказываютъ о формахъ гимнастическихъ учреждений въ греческихъ республикахъ, и рассказы ихъ позволяютъ заключать, что гимнастика у нихъ не могла не вредить нравственности.

именемъ Сократа. Посему Платонъ, вообще старавшійся своимъ ученіемъ и сочиненіями положить сильный оплотъ противъ развитія современнаго ему софистическаго вольномыслия и нравственнаго разврата, считалъ своимъ долгомъ подвергнуть глубокому изслѣдованію понятіе *περί τῶν κλειδίων* и написалъ нѣсколько весьма важныхъ діалоговъ—съ намѣреніемъ раскрыть природу любви и показать аѳинскому юношеству, до какой степени оно обезображиваетъ ее грубою чувственною своею жизнію и извращаетъ высокую цѣль, для которой она пробуждается въ человѣческомъ сердцѣ. Главнымъ и, можно сказать, кореннымъ между діалогами этого рода надобно почитать безспорно тотъ, который теперь подлежитъ нашему разсмотрѣнію, и въ которомъ весьма естественнымъ поводомъ къ разсужденію о любви служитъ Платону рѣчь Лизіаса на упомянутую выше тему.

Но какимъ образомъ къ этому одному предмету могутъ быть сведены, повидимому, слишкомъ разнородные вопросы, служащіе общими задачами главныхъ отдѣловъ Платонова Федра? Критики отвѣчаютъ на это неодинаково, и потому не одно и то же принимаютъ за коренное положеніе цѣлаго разговора. Платоновъ Федръ, съ перваго взгляда, рѣзко дѣлится на двѣ части, по содержанію совершенно различныя: въ первой предлагаются три рѣчи о любви, изъ которыхъ одна Лизіасова и двѣ—Сократовы (р. 231—257); а во второй излагаются правила составленія рѣчей (р. 258—279). Предметы этихъ частей изслѣдованія, очевидно, таковы, что если главнымъ въ цѣломъ сочиненіи мы признаемъ первый, то послѣдній должны будемъ почесть приросшимъ къ цѣлому случайно и неимѣющимъ ничего общаго съ его цѣлію; а когда всю сущность діалога заключимъ въ послѣднемъ, то первый представится въ значеніи слишкомъ широко раскрытаго примѣра для предполагаемой теоріи, или несоразмѣрно долгою практическою игрою умовъ, прежде чѣмъ они принялись за серьезное изслѣдованіе. Въ томъ и другомъ случаѣ Платоновъ Федръ

покажется намъ сочиненіемъ безъ единства содержанія и безъ стройности въ формѣ. Но не спѣша предполагать такіе недостатки въ разсматриваемомъ произведеніи Платонова ума, которое, каково бы ни было наше о немъ сужденіе, располагаетъ насъ невольно увлекаться высотой своихъ идей и изяществомъ изложенія ихъ, мы прежде всего внимемъ въ рѣчь Лизіаса,—не найдемъ ли въ ней и въ сопровождающихъ ее словахъ Федра достаточнаго основанія для приведенія обѣихъ частей діалога къ желаемому единству.

Въ Лизіасовой рѣчи, какъ видно уже изъ самой ея темы, полагается различіе между равнодушіемъ и влюбленностію въ отношеніи къ красотѣ. Первое изображаетъ ораторъ такъ, что въ немъ нельзя не видѣть скотскаго удовольствія возбуждающейся по временамъ похоти; а послѣднюю—такъ, что въ ней мы замѣчаемъ хотя человѣческое, но самое гибельное искаженіе любви, ограниченной представленіями грубыхъ скотоподобныхъ удовольствій. Итакъ человѣкъ съ равнодушіемъ и влюбленностію, въ отношеніи къ красотѣ, Лизіасъ, самъ того не замѣчая, разсматриваетъ въ состояніи скотства и скотоподобія, а между тѣмъ полагаетъ, что въ его рѣчи разсматривается человѣкъ. Явно, что такое заблужденіе происходило, во-первыхъ, отъ незнанія человѣческой природы, а во-вторыхъ, отъ того, что ораторъ не опредѣлилъ и, не зная природы души, не могъ опредѣлить, что такое—любовь. Но отсюда само собою вытекало положеніе, служащее темою всего разговора, озаглавленнаго именемъ Федра: «чтобы говорить или писать о любви, и вообще о какомъ бы то ни было предметѣ, надобно знать природу любви, или всякаго разсматриваемаго предмета, и при свѣтѣ этого познанія, въ устной ли то бесѣдѣ, или въ письменной рѣчи, прежде всего опредѣлить предметъ разсужденія.» Принявъ это въ Федръ за основное положеніе всей бесѣды, которымъ условливается единство ея содержанія и отношеніе ея частей, мы теперь ясно видимъ, что двумя рѣчами, которыя произнесъ въ ней Сократъ, Пла-

тонъ поправляетъ *содержаніе* рѣчи Лизіасовой, т. е. говорить о природѣ и видахъ любви; а чрезъ изложеніе правилъ устнаго и письменнаго составленія рѣчей, показываетъ, въ какой *формѣ* надлежало бы Лизіасу написать свою рѣчь, еслибы онъ правильно понималъ, что такое — любовь.

Итакъ, выслушавъ рѣчь Лизіаса и видя, что, по матеріи, въ ней скотское плотоугодіе отличается отъ скотоподобной любви, а любовь въ истинномъ ея значеніи вовсе не разсматривается и не опредѣляется, Сократъ мысленно дѣлитъ любовь на чувственную и разумную и, по настоящему убѣжденію Федра, говорить—одну послѣ другой—двѣ рѣчи, изъ которыхъ въ первой красками самыми яркими изображаетъ низкія удовольствія любви чувственной, а въ другой—языкомъ восторженнаго поэта и глубокомысленнаго философа описываетъ происхожденіе, природу и стремленіе любви разумной. Приступая къ произнесенію рѣчи о сынѣ Афродиты плебейской, Сократъ предувѣдомляетъ Федра, что, дабы не краснѣть отъ стыда и не заикаться, онъ произнесетъ ее съ закрытыми глазами. И дѣйствительно, эту рѣчь надобно не только произносить, но и читать, оградившись броней хорошо развитаго нравственнаго чувства. Впрочемъ, она написана такъ искусно, что, доказывая какъ будто тему Лизіасову, т. е., что прекрасный мальчикъ получаетъ больше пользы, благопріятствуя невлюбленному, чѣмъ тогда, когда онъ бываетъ расположенъ къ влюбленному, представляетъ чувственную любовь во всемъ ея безобразіи и возбуждаетъ сильное къ ней отвращеніе. Начавъ свою рѣчь опредѣленіемъ чувственной любви, и понимая ее, какъ страсть, влекущую къ удовольствіямъ, проистекающимъ изъ красоты тѣла, Сократъ показываетъ, сколько золъ приносить она людямъ, особенно когда лице любимое отвлекаетъ отъ тѣхъ дѣлъ, которыми оно должно пользоваться, какъ плодами истинной мудрости. Имѣя это, искусно прикрытое доброе направленіе, Сократова рѣчь, и по самой своей формѣ, противуположна Лизіасовой. Основанная на опредѣленномъ по-

нати о чувственной любви, она потому самому отличается ясностію и связанностію мыслей, стройнымъ расположеніемъ словъ и выраженій, тогда какъ въ рѣчи Лизіаса мысли неопредѣленны и перепутаны, а выраженія раскиданы и держатся только внѣшними, ничего незначащими связями. Когда эта декламація Сократа была окончена, — Федръ и Сократъ увидѣли въ ней только половину дѣла; но въ другой половинѣ предполагали оба не одно и то же: первый надѣялся услышать, что скажетъ Сократъ о выгодахъ благорасположенія къ человѣку нелюбящему; а послѣдній, раскрывъ значеніе любви чувственной, долженъ былъ еще объяснить, что такое любовь разумная или духовная. Удовлетворить ожиданію Федра Сократъ рѣшительно отказывается и, по внушенію своего генія, приступаетъ къ разсматриванію природы божественнаго Эроса — уже съ открытыми глазами.

Если весь Платоновъ Федръ написанъ по мѣстамъ подъ вліяніемъ большаго или меньшаго поэтическаго воодушевленія, то особенно звучитъ диэирамвомъ вторая рѣчь Сократа, въ которой онъ созерцаетъ происхожденіе и природу любви духовной. Эта любовь, говоритъ онъ, есть изступленіе, даруемое богами для величайшаго благополучія смертныхъ. Но чтобы понять всю ея важность и силу, надобно разсмотрѣть природу человѣческой души. Всякая душа безсмертна, потому что самодвижима; а какова ея природа, — можно высказать только подобіемъ. Она подобна двумъ крылатымъ конямъ, запряженнымъ въ колесницу и управляемымъ возницею. Но кони боговъ и возничіе ихъ во всемъ совершенны; а прочіе не таковы: изъ коней, везущихъ колесницу души человѣческой, одинъ бодръ и послушенъ, другой золъ и упрямъ; такъ что возничему трудно управляться съ ними. Этимъ объясняется древнее — до-мірное разстройство человѣческой природы, произшедшее слѣдующимъ образомъ: прежде чѣмъ люди населили землю, души ихъ обитали въ міръ духовномъ и наслаждались блаженствомъ въ сообществѣ съ богами. По числу двѣнадцати главныхъ бо-

жествъ, онѣ дѣлились на двѣнадцать сонмовъ, и каждый сонмъ слѣдовалъ за своимъ богомъ; а всѣ боги составляли свиту великаго Зевса. Итакъ Зевсъ, оставивъ центральное жилище Весты, ѣдетъ на праздникъ подъ зенитъ небеснаго свода, и поднимается по наклонной плоскости, сопровождаемый всѣми богами и героями. Колесницы боговъ катятся плавно и ровно; потому что кони ихъ хорошо вскормлены, и возникіе имѣють довольно силы для управления ими. Они достигаютъ высшей точки орбиты и, прозирая съ ней въ горній міръ безпредѣльнаго свѣта, въ которомъ нѣтъ уже ни матеріальныхъ образовъ, ни формъ бытія, неизгаснимо наслаждаются этимъ духовнымъ созерцаніемъ. Напротивъ, изъ душъ не всѣ возносятся къ желаемой цѣли: только болѣе совершенныя и везомыя старательно воспитанными конями восходятъ къ крайнему предѣлу своего пути, откуда, по безформенности вещей премірныхъ, созерцаніемъ ихъ, вмѣстѣ съ богами, наслаждаются по крайней мѣрѣ возникіе. Прочія же души,—такъ какъ одинъ изъ коней ихъ рвется впередъ,—другой упирается и останавливаетъ колесницу, — неминуемо подвергаются страшнымъ бѣдствіямъ; ибо отъ этого происходятъ замѣшательства и столкновенія, разрушеніе колесницъ и ломка крыльевъ. А когда у коней крылья переломаны,—души не могутъ уже слѣдовать за богами, но стремглавъ летятъ внизъ и, падая на землю, въ наказаніе заключаются въ тѣла.

Это аллегорическое сказаніе о природѣ человѣческой души Сократъ примѣняетъ ко всѣмъ степенямъ и направленіямъ душевной жизни и на такомъ основаніи показываетъ необходимость многихъ и долговременныхъ метаморфозъ одного и того же разумнаго существа, пока оно не возвратится въ то состояніе, къ которому предназначено. Что же касается до значенія изложенной аллегоріи, то оно довольно обстоятельно показывается въ Платоновомъ «Государствѣ», гдѣ подъ именемъ возникшаго Платонъ велитъ разумѣть умъ, который въ человѣческой душѣ долженъ быть силою господ-

ствующею; въ добромъ конѣ видитъ природу раздражительную, которая повинуется и помогаетъ уму; а въ конѣ упрямомъ мыслить природу пожелательную, увлекаемую страстями и стремящуюся къ удовольствіямъ; крыльями же означаетъ порывъ души къ божественному. Такъ, показавъ образно небесное происхождение и судьбу планетнаго существованія душъ, Сократъ отсюда выводитъ значеніе и природу любви.

Стремленіе человѣческой души—разсѣяныя черты вещей собирать въ одно, говоритъ онъ, есть не иное что, какъ стараніе припоминать и возстановлять тѣ образы, которыхъ созерцаемъ души наслаждались въ жизни до-мірной. И кто болѣе занимается этимъ, какъ на примѣръ философъ; тотъ скорѣе выращаетъ крылья для паренія на небо, ибо тотъ живѣе возбуждаетъ въ памяти идеи вещей небесныхъ. Но выращеніе крыльевъ есть восторженіе души; а восторженіе или изступленіе ея есть любовь. Полныхъ образовъ истиннаго, добраго, справедливаго и святаго на землѣ нѣтъ; но встрѣчаются иногда чувствопостигаемыя отраженія этихъ идей, — и созерцая ихъ, мы пробуждаемъ въ себѣ идею прекраснаго, которое, потому именно, что напоминаетъ намъ о красотѣ вещей небесныхъ, становится предметомъ любви, умерщвляетъ чувственные наши пожеланія, привязываетъ насъ къ себѣ узами благоговѣнія и восторгаетъ къ небу. Впрочемъ, отраженія прекраснаго божественнаго въ душѣ не всѣ одинаковы и не на всѣхъ одинаково дѣйствуютъ. Каждый любить красоту, сродную тому божеству, которому въ жизни до-мірной онъ сопутствовалъ. Посему совершеннѣйшіе любители суть тѣ, которые любятъ совершеннѣйшее прекрасное; а совершеннѣйшее прекрасное могутъ любить только тѣ, которые принадлежали къ свѣтѣ Зевса и созерцали умъ царственный. Такіе любители суть философы, любящіе юношей, отъ природы одаренныхъ стремленіями философскими и рожденныхъ для владычества надъ другими. Правда, и здѣсь на землѣ, отъ буйства при-